

Author: Галущенко Влад

Мульти-эротика: Туземный цирюльник

Любите ли вы женщин, как люблю их я?

После этого вопроса все ждут второго, провокационного – а с чем вы их любите?

А вот и не угадали! Второй вопрос примитивен до изумления – где вы их любите?

В душной городской квартире со всеми послелюбовными удобствами или посреди душистого бескрайнего луга без всяческих удобств, исключая шершавый листик лопуха, изумленно взирающего на чужие прелести?

А может вы их любите в человеческих джунглях ночных рокконцертов под оглушающий грохот рокодрома или в настоящих диких джунглях в окружении ярко-красных светящихся глаз милых зверюшек, смачно причмокивающих в ожидании неизбежного конца любовной стори?

Вот, сказал про джунгли, и аж вздрогнул от нахлынувших воспоминаний. И опять не угадали. Никаких там шуров-муров не было, никакой этой грязи и тем более любви. Все намного прозаичнее и приземленнее. Хотя и связанное с женщинами и их капризами.

Ладно, уговорили. Расскажу.

Кстати, сущность первого вопроса о любви к женщинам, вы в полной мере поймете, когда дочитаете до конца эту душещипательную, слегка любовную, историю.

Но, прежде чем продолжить свое откровенное воспоминание, хочу сделать три оговорки.

Первое. Звиняйте за грубый армейский слог и, соответственно, - неуклюжий солдатский юмор. Приношу свое прощение.

Как говаривал мой друг Жора Климов, дамский угодник и техник самолетов по-совместительству:

« На аэродромах живем-с, самолеты прем-с! ». Грубо, но правдиво.

Я, как и вы, когда услышал этот философский перевертыш первый раз, тоже с недоверием подумал о реактивных соплах наших летающих лебедушек.

Отведя Гришку-механика за отбойный щит, одновременно используемый для малых нужд, смущенно спросил, сжигая горячей струей остатки жухлой растительности, что имел в виду уважаемый техник?

— А чо, то и имел, чо все имеют, - простодушно открыл мне великую тайну не сильно грамотный простой рязанский паренек. — Так вот и прем их. Руками.

— Самолеты? Руками? Прете? Да это же извращение! — я такое не то, что представить, в жутком сне побоялся бы увидеть.

— Ну, а чем же еще? Всем гамузом, кто свободный, подходим к прилетевшему самолету и руками закатываем его на стоянку.

Я судорожно выдохнул. Ну и шутники. Пошло и не смешно. Но я им это не сказал. Я им это подумал.

Вот в таком грубом окружении - как сохранить остатки нежного салонного воспитания, манер, ужимок и прыжков?

Теперь, надеюсь, вы поняли, какая грубая пошлость, хамство и грязь ждут вас впереди?

Вторая оговорка попроще. Я торжественно заявляю, что внутри моего откровения ни одна женщина, подчеркиваю — ни одна, материально не пострадала.

Это мое золотое правило с самого неопытного отрочества – с дам за доставленное им удовольствие я денег не брал, не беру и брать никогда не буду. На останавливающие меня у дверей испуганно-стыдливые, подкрепленные страстно протянутыми в безумной мольбе нежными ручками, возгласы:

— А деньги?

Я всегда гордо и непреклонно отвечаю:

— Мадам, с женщин я денег никогда не беру, - после чего отвешиваю рыцарский поясной поклон и удаляюсь под пылающим взором изумленных глаз. И это правило не нарушил ни разу. Чем безмерно горд.

Вы хотите дать свое, сугубо субъективное и дважды неправильное, объяснение пылающему взору и дамскому изумлению? Были у некоторых одноглазых попытки поправить и развеять якобы мое глубокое заблуждение. Были. И вам посоветую то же. Засуньте вы свои глупости туда, откуда они у вас вылезли. И поглубже.

Третья оговорка касается моей непоколебимой честности и правдивости. Вы хотите сказать, что это одно и то же? Глубокое заблуждение – и это вы поймете в самом конце моего откровения.

Итак, представьте – идет война. Двух сильно нецивилизованных стран в самом центре черно-зеленой Африки.

В первой правит, грубо говоря, президент-людоед, во второй, мягко выражаясь – бородатый Фидель. И мы – как всегда – посредине. Ну, вы поняли – кто мы. Которые всегда и нашим, и вашим, которые и красивые, и умные – поэтому и не могут определиться, чью же сторону занять, куда притулиться.

Эта суетливая непонятка, однако, вовсе не мешает продавать оружие обеим, непонятно за что воющим сторонам.

И вот, как раз недалеко от границ поссорившихся соседей, мы и разделились. Наша эскадрилья, к моему несчастью, перегоняла проданные

самолеты в очень людоедскую страну.

И это бы еще ничего, если бы перегнали. «Ви будете смеяться, - говаривал шеф-повар нашей летной столовой Аарон Сахарнов. - Но таки мой вчерашний шашлык своим невероятным запахом не только вызывал собачий аппетит. Он таки и был собачьим».

Вы тоже вскоре поймете, почему я не к месту вспомнил эту незабвенную фразу уважаемого одесского балагура.

Вся эскадрилья таки благополучно долетела до людоедского аэродрома. Кроме моего самолета. Который как раз и замыкал извилистый строй журавлиного крыла.

Моя птичка с характерным хрустом неожиданно рассыпалась на составляющие. Я даже в эфир квакнуть не успел, как уже прочно сидел на жестких лямках раскрывшегося парашюта. Что тоже радовало. То ли бандитская ракета угодила в самолет, то ли шальной снаряд прилетел с поля битвы, но факт налицо.

Вы спросите – а что еще меня могло радовать? То, что самолет развалился? Какие вы непонятливые! Радовало, что я вместе с самолетом тоже не развалился на составные части. Я к этим частям давно привык, можно сказать – привязался, и не желал бы потерять даже самую маленькую свою часть.

Вы спрашиваете – какую? На что это вы подумали? Я имел в виду мизинчик, а вы? Грубо и неинтеллигентно так думать. Могли бы и не думать из мужской солидарности. Я же не говорю, что нечего других с собой сравнивать.

А тем временем парашют быстро приближался к целой полосе неприятностей. Сначала он зацепился за сук и никак не хотел с ним расставаться. Я хотел просто обрезать стропу и по ней спуститься вниз.

Но случайно брошенный туда взгляд, естественно вниз, заставил быстренько изменить это непродуманное решение. Почему? Потому что взгляд напоролся на молчаливый частокол красиво раскрашенных аборигенских копий с чудными яркими хвостиками.

Но тогда для меня острота копий значила немного больше их красоты. Поэтому мои стремления изменились и я стал усиленно карабкаться вверх. Добрался до самого купола парашюта, обернулся им и притворился белой подушкой с ногами.

Конечно, артистических способностей у меня от природы было маловато, поэтому даже тупые аборигены не поверили.

Они деловито расположились внизу. Судя по разведенному костру и сооруженному вертелу, желание полакомиться мной у них только окрепло. И менять его они не собирались, несмотря на все мои усилия казаться невкусной белой тряпочкой.

Когда на небе высыпали незнакомые созвездия южного полушария, я тоже стал подумывать о еде. Воспаленные воображением ноздри уловили аромат душистого шашлычка. Наверное, решил я, одного из своих распустили на ужин. Звери!

Нет, упаси бог, я и не помышлял тогда о жареном в собственном соку аборигене. Я мечтал о пачке галет с шоколадом из НАЗа. Но я на нем сидел. А отстегнуть парашют было страшновато.

Не знаете, что такое НАЗ? Да это даже людоеды племени боа-боа знают. Вернее, узнали, когда сняли меня с дерева.

Ну, вот, и проговорился. Насчет того, что сняли. А НАЗ – это носимый аварийный запас. Где носимый – уточнять не буду, чтобы не портился аппетит.

По секрету вам скажу – был там и пистолет с двумя обоймами. Можно целых шестнадцать раз выстрелить. Но... Вся беда была в моем хорошем

знании арифметики. Я шустро отнял от сорока копий шестнадцать патронов и понял, что остаток сделает из моего тела решето, несовместимое с полноценной жизнью.

И особенно с ее удовольствиями. Представьте, вы с наслаждением пьете пиво с десятью дырками в животе. И приятно вам будет смотреть, как удовольствие вытекает из вас журчащими струями?

Очень полезно иногда вспоминать таблицу умножения. А еще чаще нужно вспоминать таблицу деления. Ну, скажем, члена – на многочлен. Не пробовали? И я тоже этого тогда не хотел. Деления. Лучше уж о сложении думать.

С первыми утренними лучами солнца, когда хитрые туземцы чуть не усыпили меня своими сонными заунывными мелодиями, я услышал звонкие щелчки. Что-то щелкало выше зацепившегося купола.

Как этот малец взобрался выше меня, не могу понять до сих пор. Но факт остается фактом. Хотя и прискорбным. Он обрубил сук, на котором я сидел. Вернее, висел.

И уже через минуту я плавно опустился в нежно протянутые ко мне алчно-голодные загорелые до черноты руки.

Эти дикари деловито обрезали стропы и стали меня готовить к обеду. В смысле - раздевать. Типа, как вы освобождаете лук от кожуры. Вот и они понимали толк в приготовлении пищи. Как некоторые мои соотечественники - не ели бананы с кожурой.

Комбинезон долго обнюхивали и передавали из рук в руки. Наверное – определяли его съедобность. Был он цвета спелой дыни. А они дынь-то не знали. Отсюда и сомнения – вдруг незрелый фрукт?

Ботинки разделили. Левый натянлул на правую ногу главарь их банды. Темнота, джунгли, что с него взять? Правый достался шаману. Тот его нацепил

на свое ритуальное копьё, чуть выше чьего-то симпатичного черепа.

Короче, вскоре я увидел свои цветастые плавки тоже на копьё. Ими заменили дурацкий флаг из водорослей. Мои плавки смотрелись намного реалистичнее. Особенно умилял голубенький кораблик на фоне синих волн. Красиво.

Я попытался вспомнить перед смертью хоть какую молитву. Но кроме: «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг!», - в голову ничего более религиозного не приходило. Да еще имя Господа вспомнил – Иисус Христос его звали, видимо в честь знаменитой рок-оперы. А вот отчество вылетело из головы напрочь.

Решил ограничиться пением «Варяга». Смело шагнул к костру. Обглоданные ребра на вертеле явно не принадлежали раньше человеческому существу. Даже в пугающем образе людоеда. Объем грудной клетки был не менее, чем у лося. Хотя какие в этих джунглях могут быть наши российские лоси? Чушь, конечно.

В крайнем случае – это останки ихнего бегемота. Хотя... Эти зверюки вроде в воде живут? Не тащили же они эту громадину за несколько километров, только чтобы на ужин заморить червячка? Все, однако, может быть. Как понять темного туземца? Дикий народ, и мысли у них дикие. А дела – тем более.

Но молился я рановато. Явно туземцы еще не проголодались. Естественно. Я с благодарностью посмотрел на спасшую меня от немедленной смерти грудную клетку.

На одном ребрышке еще висело несколько сочных кусочков. Но выпрашивать их у этих аборигенов? Нет, лучше – смерть!

Дорога до их бандитского логова заняла не более получаса. Десяток пальмовых хижин вокруг чистенькой песочной полянки, испорченной костром и подвешенным над ним огромным закопченным котлом. Вот к нему меня и повели. Вспомнилась тут же поговорка: «Хрен редьки не слаще!».

Это я к тому, какая смерть лучше – на вертеле или в супе? Супец, конечно же, из меня. Хотя я больше люблю борщ.

И тут мне пришла в голову гениальная мысль, как испортить этим людоедам их праздник.

Вам такое зверство даже в страшном сне не приснится. А мне вот – запросто. Ладно, расскажу. Я вспомнил, что уже сутки не ходил в туалет. Поняли? Да, понимаю, что это неинтеллигентно и неэстетично, что противоречит пятой главе международной конвенции и прочее, и прочее.

А человека в расцвете творческих сил варить со специями – этично? Так что давайте не будем трогать эстетику и мораль, а окунемся в грубую навозную правду жизни.

Око за око – как говорил Витька-Болт, наш городской голова, занявший место неожиданно почившего в бозе бывшего мэра.

Что вы говорите?

Хватит рассусоливать и растекаться мозгами по дереву, ближе к телу? Легко вам такое говорить, сидя за столом и примериваясь съесть сочную куриную ножку. Вы заговорили бы совсем по другому, если бы есть собирались не вы, а вас...

Во-о-о-т!

Поэтому и лезут в голову разные отвлекающие от процесса питания мысли.

Шаман с моим ботинком на копье подошел к котлу и сунул в него руку. Наверное, он у них и повар по совместительству. Что-то гортанно прокричал на своем людоедском языке и из хижин стали выскакивать голые туземки с охапками каких-то кулинарных приправ.

Корешки там, листочки, зернышки. Вкусный, видимо, будет супчик. Жаль, что на этом веселом празднике я не в списке гостей, а в меню. Обидно даже.

Шаман опять что-то проревел. Два здоровенных туземца подхватили меня и бегом потащили к котлу. И чего спешат? Я вот, наоборот, совсем не тороплюсь.

Песню я орал уже со всей пролетарской ненавистью к гнилой нашей партноменклатуре, так и не искоренившей людоедство в отдельно взятой африканской стране!

Как бы я хотел сейчас поменяться с ними местами! Уж я бы не самолеты этим странам продавал! Я бы завалил их джунгли тоннами дуста, чтобы с корнем вывести людоедские тенденции, и темных туземцев заодно.

— Эй, поосторожнее! В жену свою так будешь швырять! — но мои слова на кулинарный процесс никак не повлияли. Я с головой булькнул в горячую воду, чуть не подавившись влетевшим в рот каким-то экзотическим фруктом. Со злостью выплюнул его. Не хватало еще, доставить им удовольствие есть меня в фаршированном виде. Подавитесь!

И тут же стал сосредоточенно приводить в действие генеральный план злодейского умысла отравления людоедского праздника. Руками отпихивал всплывающие колечки и радостно улыбался.

Получилось! Вот вам супчик! Вот вам приправы! Вот вам специи!

Через минуту подошел шаман и опять сунул руку в котел. Я захохотал. Он наткнулся пальцами как раз на мои кулинарные биологически активные добавки. БАДы в просторечьи. Но не те, что продают. Эти — бесплатно.

Шаман изумленно нюхал мое добро, повисшее на его прокопченных пальцах, и что-то обиженно каркал. Подбежали его мускулистые раскрашенные шестерки и выдернули меня из котла. Видимо и им мой аромат не понравился, так как они брезгливо сморщили свои поганые полосатые морды и потащили меня к краю поляны.

Там протекала небольшая речушка. Макали они меня в нее долго, обнюхивая после каждого раза. Будут знать, нелюди, чем пахнет рассерженная и обиженная интеллигенция!

Потащили они меня от реки не к котлу, а к большой хижине на краю поляны. Здорово я придумал! Надо бы и на завтра добра поднакопить. Эх, вот только неизвестно, кормят ли здесь жертву перед приготовлением? Будем надеяться на лучшее для меня и худшее для них.

Внутри хижины расположилось все людоедское племя. Шаман с ботинком сидел на бревнышке посередине. По левую руку – туземец в моем левом ботинке на правой ноге, а справа – голая людоедка с петушиным хвостом на голове. По их злобно-мстительным презирающим взглядам я понял, что это местное начальство. Шаман – типа главы туземной думы, а эти двое, то ли принц с принцессой, то ли главы нижней и верхней палат.

Но привлекли мое внимание не кровожадные голодные взгляды их соплеменников, к которым я потихоньку уже, в качестве основного праздничного блюда, стал привыкать, а разложенное перед шаманом содержимое НАЗа и ТЧ.

Ну, про НАЗ вы уже знаете, а вот про ТЧ, в этой предобеденной суете, я и сам забыл.

ТЧ – это тревожный чемоданчик на военном сленге. При объявлении тревоги, или при отправке в командировку, его положено брать с собой. Ничего примечательного там нет. Внутри список обязательных вещей приклеен. Пара запасного белья, очень немного денег, пара банок консервов, бритвенный набор, мыло, полотенце. В общем – без чего человеку высоко образованному и слегка культурному будет трудно прожить недели две в чужом доме. Я еще для развлечения сунул внутрь аудиоплеер и пачку гламурных журнальчиков.

Ну, понимаете, если уж совсем туго в чужой стороне будет с аморалью, то хоть вприглядку. Всяко бывало. Вот помню, сели мы на Камчатке на аэродром Угольные Копи. Сесть-то сели. Взлетели только через полгода. А там на весь аэродром две чукчихи столетние, паутиной заросшие. Поварихами числились. И вот мы ободрали с них паутину ...

Ах, да! Помню, помню. Ближе к телу. Ладно, ту историю потом доскажу.

Так вот. Эти самые гламурные журналчики лежат в бесстыдно раскрытом виде перед принцессой и она злобно в них тычет своим людоедским пальчиком.

Я еще подумал: «Эх, как бы кстати сейчас пригодился Пашка-переводчик! Как жаль, что он не со мной летел!».

Если бы Пашка знал, что я так про него подумал, сам бы, наверное, людоедом стал. Но мысля такая промелькнула. Да и еще неизвестно, кого из нас первым бы сварили. Пашка посытнее выглядит, поаппетитнее. А из меня – какой навар? Кожа, да кости. Я кинул на себя оценивающий взгляд. Ах, да. Еще про одну мелочь забыл. И прикрыл ее стыдливо ладошкой. Чтоб народ голодный не соблазнять. Вдруг среди них любители сосисок есть? Нет уж! Подальше от греха.

Да что это я только на кулинарные темы и думаю? Проголодался, что ли? Так все равно - обедать-то буду не я, а мной.

И тут взбешенная чем-то принцесса-людоедка вскочила и с журналом наперевес бросилась ко мне. Я аж пошатнулся. Она брызгала слюной и тыкала закопченным пальцем в журнальный рисунок.

Я пригляделся. Какая-то голенькая супермодель. Ничего особенного.

Принцессу мое непонимание разъярило не на шутку. Она за свободную от дела руку подтащила меня к шаману. Тот начал свои объяснения. Только голос у него был свирепее и рокотал громче.

Я задумался. Неужели в этом племени такие высокие моральные принципы? Видимо, они обвиняют меня в контрабанде порнографии и попытке растления их высоконравственной молодежи. То-то ни одного людоенка в хижине нет. Чтоб, значит, не растлялись от вида позорных фотографий.

А сами? Голяком ходят! Это – нормально? Это – не растляет? А может, у них только вид белого тела запрещен? Извращенцы! Как жрать белых – так, пожалуйста! А как...

Нет. Что-то я тут не догоняю. Что-то у меня мой конец с ихними не сходится. Что-то не то.

Шаман уже охрип, махнул на меня рукой и плюхнулся на бревно. Встал принц в моем ботинке. Взял у шамана журнал, и все началось по-новой. Но артистизмом принц обладал значительно большим.

И тут до меня постепенно стало доходить, что говорят они со мной совсем не на кулинарные темы. Скорее - на аморальные с эстетическим уклоном.

Принц разыграл передо мной целый спектакль. Он поставил передо мной принцессу.

Потом снял с копья шамана острый наконечник. Это мне не понравилось. Но он подошел к шаману, схватил его за бороду и отхватил несколько ключев спутанных волос.

Ага, показывает, как они подстригают бороду. Это мне понятно. Но вот последующие его действия даже пересказывать как-то неприлично. Он схватил принцессу за ее бородку и тоже отхватил несколько ключев. Потом раскрыл передо мной журнал и ткнул пальцем сначала в середину фото голой фотомодели, а потом в середину принцессы. Потом - в искаленную бороду шамана и в мой нечисто выбритый подбородок. Мол, почувствуйте, сэр, разницу.

И тут до меня дошло, наконец. Они добиваются от меня признания, как я ухитрился так коротко побриться.

Ну, это же совсем другой разговор! Я готов в обмен на свою жизнь раскрыть этим недоумкам секрет цивилизованных людей.

Подошел к своему тревожному чемоданчику и раскрыл бритвенный набор. После этого начался длительный этап переговоров. Я показывал на безопасную бритву, потом на себя, потом скреб свой подбородок, потом подбородок принца и, наконец, показывал на себя и на выход из хижины. Где-то через час, высокие договаривающиеся стороны пришли к пониманию и подписали с небольшими изменениями и дополнениями взаимовыгодный договор.

Изменения касались исключительно места применения бритвенного прибора.

Принц упорно показывал точно в середину принцессы. Я немного поколебался, но принял их первую поправку. Второе условие принц выразил несколько непонятной для меня имитацией полового акта с принцессой. После бурного показа он подошел ко мне и чиркнул по шее наконечником копья.

Я это воспринял, как угрозу лишиться меня жизни, если я посягну на честь принцессы.

Да нужна мне эта закопченная деревяшка! Хотят, чтобы побрил – пожалуйста, а насчет остального у меня даже и в мыслях не было. Честно. В чем я и поспешил тут же поклясться, чиркнув себя по шее и плюнув в сторону принцессы. Надеюсь – они меня поняли.

Принцесса улеглась на возвышении посреди хижины, а я с помазком и бритвой, помолясь цитатой из «Варяга», приступил к священному ритуалу брадобрейства. Хочет эта дикарка быть похожей на журнальную диву – ради бога!

Все племя сгрудилось вокруг меня, нервно дыша в затылок. Недрогнувшей рукой я молча делал свое дело. Для шика даже сбрызнул оголенное лоно одеколончиком. Принцесса поморщилась.

Ну, звиняйте, кремов и дезодорантов у нас нема! Я был доволен делом рук своих.

Но недоволен был принц. Он опять подступил ко мне с наконечником копья, плевался слюной и показывал то на принцессу, то на меня. Притом показывал именно на ту часть, что я прикрывал ладошкой.

Что еще ему нужно, чем он недоволен? Качеством работы? Я наклонился над потной принцессой, вглядываясь в чисто выбритое лоно. Нет, ни одного волоска не пропустил.

Старался. Как не стараться, когда жизнь на кону? Но тут и обступившие нас туземцы стали подталкивать меня в спину, дружно декламируя что-то типа: «Хэя, хэя!».

Явно требуют продолжения банкета. Какого? Неужели...

И только тут до меня дошла суть их требований. Значит, я сначала принца не так понял?

Я слышал про такие обычаи у наших северных народов, когда гостю на ночь предлагают свою жену. Неужели и у людоедов так же? Но – там один на один, а здесь – при таком стечении людоедского народа? Жить, однако, хотелось. И это желание победило природную мою стыдливость.

Народ оказался подстать нашим футбольным болельщикам и дружно скандировал туземные вопли в такт моей душеспасительной миссии.

Кстати, успешно завершённой. Но только для принцессы. Я и глазом не успел моргнуть, как на ее месте уже возлежала очередная шоколадка.

После третьей я попросил пощады и немного еды.

Следующая неделя у меня была очень насыщенной и плодотворной. А еще через неделю я увидел, что у меня появляется брюшко. К счастью, к этому времени я успел обслужить уже всех людоедочек. В смысле парикмахерских услуг. Чем заслужил право на свободу.

Четверо самых здоровых туземцев посадили меня на носилки и понесли, по одним им известным тропам, к выходу из джунглей.

Бритвенный прибор пришлось подарить принцу, который не отходил от меня ни на шаг и вскоре мастерски выскребал шаманский подбородок, смело предоставленный в качестве испытательного учебного полигона.

Высадили меня возле какого-то шоссе. На перекладных еще через день я добрался до аэродрома. А уже оттуда попутным рейсом долетел домой.

Мои друзья долго выпытывали, как мне удалось целый месяц выжить в джунглях среди людоедских племен? Но я молчал.

Рассказал эту историю частично только Пашке-переводчику. Он и просветил меня, что вовсе это было не людоедское племя. И не сварить они меня хотели, а отмыть. И не приправу в котел они бросали, а благовония, в отличие от меня.

Котел – это баня для туземцев. В таких огромных чанах пищу они не готовят. Эх, знать бы мне об этом тогда! Это я не дикарям тогда праздник испортил, а в свою ванну нагадил. Дикари-то культурней меня оказались. Но о своей брадобрейной истории я даже Пашке не рассказал. Пусть это останется моей маленькой тайной.

Хотя по утрам, беря в руки помазок, я таинственно улыбаюсь, вспоминая сладострастных туземных красавиц и их чисто выбритые лона.